

ПРОЛОГ

То были дни великой печали и траура по нашему королю, который почил на ложе своем в весьма молодых летах. Смерть приходит ко всем, и к великому, и к малому, и не нам выбирать ее день и час, а одному только Господу. Случилось так, что король Ричард покинул нас на четырнадцатом году правления, не дожив до сорока пяти лет, и великая скорбь накрыла землю нашу. Однако жизнь продолжается, дни идут своим чередом и никогда не перестанут. Мы оплакали короля и погребли его в вечном покое подле предков, а затем обратили лица свои к новому правителю — дочери Ричарда, Катарине, нашей первой королеве с таким именем, взшедшей на престол, когда ей не минуло еще и двадцати лет.

Прошло время, и Великие Лорды земли нашей, именуемой Грамарий, собрались на Совет, дабы наставить юную королеву на правление страной. И во главе лордов был великий герцог Логайр, человек лет преклонных и весьма почитаемый. Он приходился дядей королеве, однако она не пожелала слушать ни его, ни других лордов, явила свою волю

и не склонилась перед Советом. А дела она препоручила карлику Бромму О'Берину, который при дворе короля Ричарда начинал шутом, но затем возвысился до Первого Советника, а королева Катарина даровала ему титул. Это возмутило аристократов крови, ибо к ним приравняли карлика, к тому же низкого рода, но Катарина не желала их слушать и не доверяла никому из лордов.

А потом Логайр послал своего младшего сына Туана, который ухаживал за Катариной еще до того, как почил ее батюшка, просить руки и сердца королевы. Но она назвала это гнусной изменой, считая, что он ищет не ее любви, но короны, и повелела ему покинуть страну и отплыть в изгнание, дабы восточный ветер унес его в Дикие Земли, жить среди чудищ и звероловцев, хотя все его преступление было в том, что он любил ее. Логайр был в гневе, а с ним и все прочие лорды, но герцог не дал воли своей ярости, и сдержались другие лорды. А Туан тайно вернулся обратно к берегу и под покровом ночи пробрался в королевство.

Прошло время, и королева Катарина вновь призвала к себе лордов Грамария. Собрала она их в замке столицы своей, Раннимиде, и сказала: «Владельцы мои, вы берете крестьянских юношей от сохи, не сведущих ни в грамоте, ни в Писании, и ставите их пастырями над моими подданными, дабы они наставляли их так, как вам нужно. Да будет вам известно, что подобное не

угодно Господу нашему и вашей королеве. Потому впредь я буду сама назначать пастырей в землях королевства и не потерплю никаких возражений». И тогда лорды сильно разгневались, но герцог Логайр просил их смириться, и они послушались его. И было так, как повелела королева, и духовными наставниками ее подданных стали монахи, посланные на служение из Раннимиды. Порой эти пастыри хвалили тех, которые избраны были лордами ранее, и те оставались на посту своем, но иные погрязли в грехах. Беспутных пастырей сменяли монахи, посланные королевой.

Прошло время, и королева вновь призвала к себе лордов своих и рекла: «Владельцы господа мои, мне стало известно, что суд в уделах ваших вы вершите либо сами, либо через назначенных вами судей, и мера воздаяния повсюду разная. В восточных пределах Габсбурга человеку отрубаяют руку за кражу куска хлеба, а в пределах южных, у Логайра, человека к суду влекут лишь за убийство. И народ мой оттого пребывает в беспокойстве и в смятении своем склонен искать справедливости вне закона. Посему не будете вы более самолично вершить суд, и не будут вершить его ставленники ваши. Отныне отправлять правосудие будут те люди, коих я пришлю к вам из Раннимиды». И тогда Великие Лорды пришли в ярость и готовы были свергнуть королеву, но снова удержал их герцог Логайр, затем отвернул он лицо свое от королевы и удалил-

ся в свой удел, а вместе с ним удалились и все прочие лорды, но некоторые из них замыслили измену, и среди таких был старший сын Логайра, Ансельм.

Прошло время, и в одну ночь грянул гром и содрогнулась земля, хотя небеса были чисты и светила полная луна. Воззрились люди на небеса и увидели, как пала оттуда звезда, и в изумлении стали молиться, чтобы то оказалось ниспосланное Господом чудо, которое исцелит их несчастную страну Грамарий. И было так, ибо когда звезда пала на землю, вышел из нее Великий Чародей Род Гэллоуглас, ростом превыше любого из детей человеческих, высок челою и наружности благородной, с отвагой в сердце чистом, как золото, и с телом крепким, как сталь. И был он милосерден ко всем, но тверд в справедливости своей, с разумом, подобным лучу солнца, пронзающему чистейший кристалл, и понимал он деяния всех людей, и лицом был пригож весьма.

И предстал он перед королевой, но Катарина отказалась признать в нем чародея, и тогда стал он одним из стражников. Но однажды был отравлен воздух в королевской опочивальне, и Род Гэллоуглас распознал это, и тогда согласилась королева, что он Великий Чародей. И послала она его в южные пределы державы, дабы уберечь ее дядюшку, ибо узнала королева о зреющем заговоре и о том, что грозит эта измена не ей одной. И чародей сделал так, как она повелела, и со своим слугой, по прозва-

нию Большой Том, чародей тайно пришел к Логайру, притворившись менестрелем. А в замке Логайра обитали призраки, и Великий Чародей свел с ними дружбу.

И тогда Логайр призвал к себе всех лордов королевства, и собрались они в его замке на юге. Логайр надеялся вновь уговорить их не вершить мятежа против королевы, но они ополчились и против него.

В королевстве жили ведьмы и колдуны, и пошли слухи — а слухи порой бывают громче голосов герольдов, — будто бы сама королева привечает колдунов и ведьм, когда просят они ее о защите, и привечает их в башне своего замка. И говорили, будто бы по ночам эти ведьмы и колдуны устраивают дикие оргии. А многие добрые подданные королевы хотели бы сжечь их на кострах, и стали поговаривать, что и сама королева не чурается ведьмовских дел.

И Великий Чародей свел дружбу с ведьмами, а с самой могущественной из них, Гвендайлон, которая была молода и красива, он заговорил о любви.

Прошло время, и под покровом ночи в столицу вернулся лорд Туан, желая быть ближе к своей возлюбленной королеве, хоть и был ею презираем. Пришел он к нищим и нашел у них убежище, и избрали они его своим королем. Но был среди нищих один, которому Туан доверял более всех остальных, ведающий всеми деньгами, собранными милостыней.

Прозвище этого негодяя было Пересмешник, и на самом деле всем заправлял он, а не Туан.

Прошло время, и собрались мятежные лорды, и Ансельм с ними, и выступили они против Логайра, отказались от его предводительства и поставили Ансельма герцогом вместо отца. А Дюрер, который был при старом герцоге советником, обнажил свой кинжал против господина своего. Но тут Великий Чародей сотворил чудо, разом погасив все факелы и светильники, и мрак затопил зал герцогского замка, который был в подземелье и не имел окон. И призвал Великий Чародей призраков, что обитали в замке, и навели они на лордов великий страх. А чародей умыкнул старого герцога, вывел его из замка и тайно доставил в Раннимид к королеве.

Тогда собрали мятежные лорды свои войска и выступили против королевы. Но у Великого Чародея был договор с эльфами, что обитали в Грамарии, и они поклялись сражаться вместе с ним, и ведьмы, и колдуны также дали такую клятву. А помимо них чародей призвал молодого Туана Логайра, и тот выступил с войском нищих, и все они пришли на Бреденскую равнину — королева, чародей и карлик, и встали с войском из ведъм, эльфов и нищих.

И взошло солнце, и бросилось войско лордов на королевское войско, но кони рыцарей вязли в земле, ибо эльфы ночью изрыли поле. И выпустило войско лордов на войско королевы копьа свои и стре-

лы, но ведьмы колдовством своим обратили оружие вспять, и летели копы и стрелы обратно и разили воинов наповал. И тогда лорд Туан повел в бой свое войско нищих, и отец ехал подле сына, дабы довершить начатое ведьмами, и смешалось все на поле сражения. А посреди этого великого смятения поднялся Большой Том и пробился к лордам и советникам их, и ринулись нищие вслед за ним, и побили они многих рыцарей и советников, и пленили лордов, но в той битве пал Большой Том и был горько оплакан Великим Чародеем и нищими.

И приказала королева предать лордов смерти либо бросить их в темницы, но чародей воспротивился тому, и в таком он был гневе, что устрашилась королева, узрев его суровость. И тогда встал с нею рядом Туан Логайр, и ополчился против чародея, и потребовал исполнить все, как велит королева, но чародей коварным и непристойным ударом сшиб его с ног, а королева в страхе закричала. Чародей же ускакал прочь на своем волшебном коне, к которому не смел приблизиться ни один смертный, но лорд Туан успел пустить вослед стрелу, и настигла та стрела чародея.

Тем временем королева назвала лорда Туана опорой своей и стражем своей чести, призналась ему в любви и позволила решать, как поступить с мятежниками. Лорд Туан решил даровать им свободу, но повелел взять их наследников в заложники, а войскам их — впредь служить короне. И повел он

королеву Катарину к алтарю, и стал королем, и правили они вместе.

А чародей разыскал колдунью Гвендайллон, и та извлекла из раны стрелу, пущенную лордом Туаном, и заговорила рану так, что та вскоре зажила. И поведал ей чародей о любви своей и повел ее к алтарю.

И вернулись лорды во владения свои и правили там по справедливости, ибо королевское око непрестанно взирало на них, и воцарился мир в стране Грамарий, и счастливо стал жить народ ее.

Так прошло два года и более того, и стали подданные королевства снова верить господам своим и любить ближних своих.

Но прошло время, и подул вихрь среди ночи, и дул он с воплем и воем от южных берегов, и гром войны...

«Хроники правления Туана и Катарины»,
записанные Чильде

* * *

Согласно записям, планету колонизировала группа чудиков, которым было в радость наряжаться в доспехи и устраивать рыцарские турниры. Они называли себя эмигрантами-романтиками. Эта группа действовала по принципу избирательного механизма, привлекая людей с латентными экс-

трасенсорными способностями. Соберите таких на одной планете, предоставьте им несколько столетий для скрещивания друг с другом — и получите эсперов. Что мы здесь и имеем в итоге. Они, естественно, составляют мизерный процент населения, но у меня есть веские основания полагать, что в целом у населения экстрасенсорные таланты также имеются, хотя и находятся в дремлющем состоянии. Эти люди полагают себя нормальными, женщин-эсперов называют ведьмами, а мужчин — колдунами.

Усугубляющий фактор: на планете произрастает эндемичный грибок, реагирующий на проективных телепатов при контакте. Местные жители называют его «ведьмин мох», поскольку стоит «ведьме» посмотреть на этот «мох» и хорошенько о чем-нибудь подумать, как он превращается в задуманное. Это послужило основой сказок и страшилок, которые «нормальные» люди, не подозревающие о своей проективной телепатии, потом рассказывают своим детишкам. Планета также кишит эльфами, призраками и оборотнями. При случае продемонстрирую вам шрамы от их укусов.

По скромному мнению вашего покорного агента, эта планета представляет собой воистину золотое дно в том, что касается коммуникаций, и является долгожданным ответом на молитвы нашего благородного Децентрализованного Демократического Трибунала. Демократия не способна

устоять, если заполнит пространства, чересчур обширные для средств связи. Насколько мне известно, критических размеров ДДТ достигнет примерно через сто пятьдесят лет. Если мне удастся поставить эту планету на путь демократии, то мы с ней получим именно то, в чем отчаянно нуждается ДДТ, — моментальную связь на любом расстоянии. Из того, что я знаю о телепатии, такая связь осуществляется мгновенно, независимо от расстояния. И то, что я видел на этой планете, тому прямое подтверждение. Но если эта планета так важна для демократии, для тоталитаристов и анархистов она становится желанной добычей, и они постараются во что бы то ни стало увести ее как можно дальше от демократического пути развития. Именно этим они и занимаются. Тоталитаристы представлены Домом Хлодвига — пролетарской организацией, собравшей под своим крылом всех нищих, бродяг и мелких преступников. Надо сказать, Дом Хлодвига в этом весьма преуспевает. Анархисты обрабатывают дворян. Каждый из двенадцати Великих Лордов имеет при себе советника. Они едва ли не поголовно анархисты. Откуда взялись? Похоже, они просто-напросто пробрались сюда с других планет, но я обнаружил здесь как минимум одно странное устройство, которое вряд ли является чем-то иным, нежели машиной времени. И я смею полагать, здесь не одно такое устройство.

Больше всего меня беспокоит фактор неопределенности. Учитывая местный генетический фон и наличие грибка-телепата, здесь может случиться все что угодно, из чего следует вывод: если я пробуду здесь достаточно долго, это что угодно вскоре произойдет...

Фрагмент донесения о гамме беты Кассиопеи
(местное название Грамарий) Родни д'Армана,
агента Ассоциации борцов с ростками тоталитаризма

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Густой липкий туман плотным, почти непроницаемым слоем стелился над штормовым морем, приглушая отдаленный рев прибоя, накатывающего на волнорезы у входа в гавань.

В небе с тревожными криками кружила невидимая птица.

Клубы тумана разрезал дракон, высоко неся свою надменную морду, украшенную острым клювом.

За ним сквозь пелену проступали еще четыре таких же силуэта.

По бокам их висели круглые, ярко раскрашенные щиты.

Весла между щитами размеренно вздымались и опускались в волны.

Единственное крыло дракона было крепко-накрепко привязано к перекладине высокой мачты, торчащей из его спины.

У основания мачты сновали приземистые широкоплечие фигуры.

Помимо орлиного клюва, у дракона был высокий ребристый плавник вдоль шеи, а изо лба торчали два длинных прямых рога.

Волны с ревом разбивались о берег, а дракон вел своих собратьев мимо мыса.

Ребенок вскрикнул во сне, проснулся и стал звать мать. Он метался в кровати, сбросив толстое меховое одеяло.

Но вот рядом с кроватью появился светильник — всего лишь тряпичный фитилек в плошке с маслом, но он дарил тепло и ощущение безопасности. Золотистый свет озарил усталое, доброе лицо матери.

Она обняла дрожащее дитя, прижала к себе и стала тихонько приговаривать:

— Ну-ну, все хорошо, мой любимый. Мамочка здесь. Она никому не даст тебя в обиду. — Женщина крепче обняла свое дитя и стала гладить по щеке. Наконец ребенок успокоился. — Вот так, Артур, вот и славно. Что тебе приснилось?

— Страшила, мамочка. Он гнался за мной, и... и у него был огромный острый ножик.

Этель поджала губы. Она баюкала ребенка, глядя на огонек светильника.

— Страшилы живут за морем, мой милый. Им сюда не добраться.

— А Карл говорит...

— Знаю, знаю. Просто мама Карла пугает его, грозит, что страшилы заберут его, если он не перестанет шалить. Но это все глупости, милый, чтобы пугать малышкой-глупышкой. Ну а ты ведь у меня не глупыш, правда?

Артур помолчал, уткнулся носом в складки материнского платья и пробормотал:

— Я... не глупыш, мамочка.

— Ну конечно, ты у меня умница, — улыбнулась мать, похлопала мальчика по спине, уложила в кровать и укрыла одеялом до подбородка. — Вот какой у меня храбрый мальчик. Мы ведь с тобой знаем, что страшил не бывает, правда?

— Правда, мамочка, — не очень уверенно отозвался Артур.

— Спи сладко, милый, — сказала мать и тихо прикрыла дверь.

Светильник отбрасывал на стены плавно танцующие тени. Малыш некоторое время лежал, наблюдая за этим танцем света и теней.

Потом вздохнул и повернулся на другой бок. Веки его уже смыкались, когда взгляд случайно упал на окно.

Оттуда на него смотрела огромная бесформенная рожа с маленькими злыми глазками, мясистым носом и пастью, в которой желтели квадратные зубы. Косматые коричневые волосы выбивались из-под блестящего шлема с крыльями по бокам.

Страшила ухмылялся, глядя на ребенка, и его свинячьи глазки масляно блестели.

— Мама! Мамочка-а-а-а-а! Страшила!

А чудище осклабилось и тремя ударами обитой железом дубинки сокрушило прочнейшую бревенчатую стену.

Ребенок вскрикнул, вскочил с кровати и побежал, прихрамывая, к тяжелой двери спальни.

Чудище забиралось в спальню через пролом в стене.

Дверь распахнулась настезь. Мать в ужасе прижала к себе дитя и закричала, зовя мужа. Потом развернулась и побежала прочь.

Чудовище расхохоталось басовитым, хрюкающим смехом и бросилось за ней следом.

А в другом доме похожее чудовище схватило ребенка за щиколотки и ударило головой о стену. Потом тяжелой дубинкой отбило меч отца, вогнало палицу ему в живот, а затем с размаху — в висок. Хрустнула кость, хлынула кровь.

Мать попыталась, крича, а чудище подобрало выпавший из рук ее мужа меч. Оно развернулось к женщине, небрежно отбросило ее в сторону взмахом дубинки, а затем одним могучим ударом сокрушило фамильный комод.

Тем временем в первом доме масло из упавшего светильника выплеснулось на пол, и пламя поползло по стене вверх.

Горели и другие дома.

Женщины и дети разбегались с криками, а за ними с хохотом гнались страшилы.

Мужчины деревни хватались за топоры и гарпуны и бросались на защиту жен и детей.

Но страшилы крушили их черепа своими па-лицами, вонзали им в грудь огромные, остро заточенные секиры и перешагивали через изуродованные тела.

Но вот как гром прогремели конские копыта, и в деревню влетел отряд всадников. Местный лорд заметил огни пожара. Он и привел в деревню конных рыцарей, которые заступили дорогу страшилищам.

— Копья к бою! — прокричал лорд. — Вперед! Но страшилища только расхохотались.

Всадники опустили копыта, пришпорили коней, бросились вперед... и застыли — ни кони, ни люди не могли тронуться с места.

Страшилища смотрели в лица воинов, на краткий миг задерживая взгляд на каждом.

Всадники раскрыли рты, выпучили глаза. Из онемевших пальцев выпали копыта.

Кони сделали медленный шаг вперед, покачнулись, шагнули снова. Их всадники оставались неподвижны. Плечи их опустились, руки безвольно болтались как плети.

А маленькие свинячьи глазки страшил сверкали, ухмылки стали шире, они удовлетворенно кивали, когда кони все так же медленно, спотыкаясь на каждом шагу, двигались вперед.

Затем разбойники с победным воплем обрушили дубинки на головы коней. Вслед за тем зара-

ботали топоры, врубаясь в тела всадников. Рыцари падали с коней, обливаясь кровью. Слетали с плеч головы, хрустели кости под тяжелыми сапогами — страшилища с хохотом топтали тела убитых, ломая двери деревянного амбара.

Граф Баиччи, вассал герцога Логайра, лежал обезглавленный в грязи, и кровь его, вытекая, смешивалась с кровью его рыцарей и впитывались в сухую, жадную до влаги землю.

Женщины и дети, успевшие добежать до холмов, в ужасе смотрели, как горят их дома, а корабли-драконы, грузно осевшие на волнах под тяжестью награбленного, уходят за отмель.

А когда корабли поравнялись с мысом, ветер донес до уцелевших жителей деревни эхо мерзкого хохота морских разбойников.

Король Туан Логайр впал в ярость, когда в столицу Раннимид пришли новости с побережья.

Разгневалась и королева.

— О нет! — бушевала она. — Какие-то дьявольские отродья огнем и мечом сметают с лица земли деревню, убивают мужчин, бесчестят женщин, детей, верно, берут в заложники, а что делаешь ты? Ну конечно, ты не станешь мстить за это!

Ей было немногим больше двадцати, да и король был едва старше ее, но он сидел прямо, словно окаменел, и лицо его было серьезно и спокойно.

— Сколько погибших? — спросил он.

— Они убили всех мужчин в деревне, Ваше Величество, — отвечал гонец, еле сдерживая тоску и страх. — Сотня и еще пять десятков. Четырнадцать женщин и шестеро детей. И еще двадцать добрых рыцарей и граф Баиччи.

Глаза королевы округлились от ужаса.

— Сотня и пять десятков... — проговорила она помертвевшими губами. — Сотня и пять десятков... — А потом произнесла громче: — Сто пятьдесят женщин овдовели за одну ночь! И дети... Шестеро детей убито!

— Да помилует Господь их души, — негромко промолвил король, опустив голову.

— О да, давай молись! — фыркнула королева. — Королевство залито кровью, а ты можешь только молиться! — Она повернула голову к гонцу: — Сколько женщин обещано?

— Нисколько, — ответил гонец, понурившись. — Хвала Господу, бесчестья не было.

— Не было, — механически повторила королева. — Не было? — Она резко развернулась к супругу: — Они еще и побрезговали нашими женщинами?!

— Быть может, они опасались, что прискачет другой отряд, — робко предположил гонец.

Королева одарила его взглядом, в который вложила все презрение, на которое только была способна.

— Если так, то они еще меньше мужчины, чем наши, которые, Господь свидетель, те еще слабаки.

Гонец выпрямился. Лицо короля окаменело.

Он медленно откинулся на спинку трона, не спуская глаз с гонца:

— Скажи мне, добрый человек, как получилось, что целый отряд рыцарей не смог справиться с этими разбойниками?

Королева скривилась:

— И как же такое могло произойти?

Король сидел неподвижно, ожидая ответа гонца.

— Там было колдовство, Ваше Величество, — дрогнувшим голосом ответил посланник. — Всадники были околдованы, они без сопротивления ехали навстречу собственной гибели, ибо враги навели на них Око Зла.

Молчание сковало зал. Даже королева притихла. На этой планете суеверия имели нехорошую привычку сбываться.

Первым тишину нарушил король. Он поерзал на троне и обратился к Первому Советнику.

Для этого ему пришлось смотреть вниз, поскольку хоть Бром О'Берин и был в плечах едва ли не столь же широк, как и сам король, ростом он был ему по пояс.

— Бром, — промолвил король. — Распорядись отправить пять отрядов пехотинцев, по одному к каждому из Великих Лордов, чьи владения граничат с морем.

— Всего по одному отряду! — вскипела королева. — Сколь небрежно ты принимаешь решения, добрый мой супруг! Неужто нельзя послать больше твоих драгоценных воинов!

Король встал и обернулся к сенешалю сэру Марису:

— Сэр Марис, отправьте также три отряда королевской гвардии. Четвертый останется здесь, дабы охранять ее величество королеву Катарину. Эти три отряда должны собраться на площади перед замком через час. Войску понадобятся припасы на долгую и многотрудную дорогу.

— Будет исполнено, Ваше Величество, — сказал сэр Марис и поклонился.

— И проследи за тем, чтобы подготовили мои доспехи.

— Доспехи? — ахнула королева. — О нет, нет, супруг мой! Что ты задумал?

— То, что велит мне мой долг, — ответил король, обернулся к ней и сжал ее руки в своих. — Я король, и моим подданным грозит беда. Я должен ехать к руинам этой деревни и найти погубивших ее негодяев. И если получится, я должен построить корабли и преследовать их в море.

— О нет, нет, мой добрый господин! — вскричала Катарина и прижалась к мужу. — Разве недостаточно в нашем войске смелых рыцарей, чтобы и ты уезжал на погибель! О нет, господин мой, нет! Как мне жить, если... если беда постигнет тебя?